PG 3361
.T42M9

МЫСЛИ

НАДЪ
ПРАХОМЪ ДРУГА МОЕГО
ПОКОЯЩАГОСЯ
ВЪ обители Донскаго Монастыря

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class PGR 2358

Book T7

YUDIN COLLECTION

Präsident

МЫСЛИ

НАДЪ

ПРАХОМЪ ДРУГА МОЕГО,

ПОКОЯЩАГОСЯ

ВЪ обители Донскаго Монастыря.

1824 года Октября 25 дня.

МОСКВА.

Въ Типографіи Рѣшетникова,

1824.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Октября 30 дня 1824 года. Сію книгу разсматривалъ Ординарный Профессоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Алексѣй Мерзляковъ.

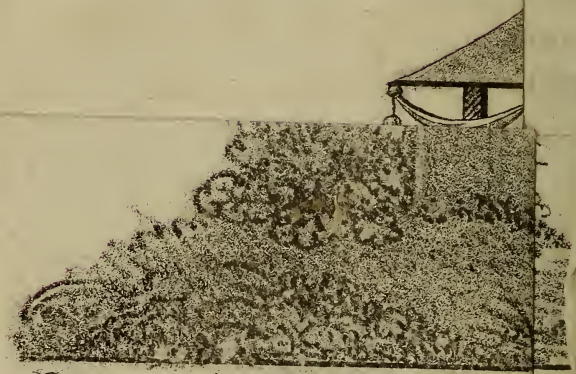

Рис: съ нат. Полк. и Кав: сам

1. 2. 4 8. Ар

Воздвигнутый въ Мсав
Федоровны Терскаит

Érigé à Moscou aile d
Madamme Elis. d

Terskoi, Konstantin
Mysli nad prakhom druga
togo

МЫСЛИ

НАДЪ

ПРАХОМЪ ДРУГА МОЕГО,

ПОКОЯЩАГОСЯ

ВЪ обители Донскаго Монастыря,

1824 года Октября 25 дня.

Посвящено праху любезной и милой супруги моей.

К Т.

Рис. съ нат. Полк. и Кав. Осиповъ. На камнѣ К

1 2 4 8 16 Верш. 2 3 4 Арш.

ПАМЯТНИКЪ,

Воздвигнутый въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ надъ тѣломъ Елисаветы Федоровны Терской урожденной Венгерской изъ цѣльнаго гранита 1824 года сентября 5 дня.

MONUMENT

Érigé à Moscou au couvent de Danskoÿ sur le corps entérée de Madamme Elif de Terskÿ né des Vingérskÿ en pierre grant 1824 le 5 de Septem.

PG3361
.T42M9

24 Apr. 3. 14

НАСТАСЬѢ ИВАНОВНѢ

БИБИКОВОЙ.

Вы, которая съ младенчества, такъ сказать, пеклись о воспитанїи и образованїи сего милаго, любезнаго намъ съ вами творенїя, моей добродѣтельной Лизы; вы, которая ее любили, какъ мать, коей въ дѣтствѣ своемъ она лишилась; вы, которая не раздѣляли ее отъ собственныхъ дѣтей вашихъ; вы, которую и она до послѣдняго издыханїя любила всею душею и сердцемъ; вы, которая со мною проливаете о ней достойныя слезы, — почтемъ теперь сѣтующимъ

воспоминанiемъ прахъ ея. Вамъ посвящаю горестныя строки сiи, какъ малѣйшую отраду для души несчастнаго, убитаго горестiю мужа ея; благодарность его и уваженiе къ Вамъ пребудутъ неизмѣнны до послѣдней минуты жизни.

Константинъ Терской.

1824 года
Октября 25 дня,
МОСКВА.

МЫСЛИ

НАДЪ

ПРАХОМЪ ДРУГА МОЕГО,

ПОКОЯЩАГОСЯ

ВЪ

ОБИТЕЛИ ДОНСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Une Mortéle Bienfaisante s'approche du Dieu même.
(*Boilleaux.*)

Миръ праху твоему, добродѣтельный другъ мой!

Глубокая осень сокрыла отъ глазъ нашихъ величіе благодатной природы; изчезли великолѣпные ковры щедрой Флоры и горизонтъ одѣялся туманомъ; все мертво вокругъ меня; обнажились деревья — поблекла трава и бореи шумятъ въ пустыняхъ; сильный вѣтеръ несетъ снѣгъ и морозы. —

Такъ! чувствую, что сама природа принимаетъ участіе въ несчастномъ изнуренномъ горестію, тоскующемъ объ утратѣ друга единственнаго! — Въ сихъ мысляхъ спѣшу во святую обитель; приближеніе къ оной вселяетъ въ душу мою трепетъ благоговѣйный; первый шагъ во врата вѣчности притупляетъ гордыню смертнаго, и все чувственное изчезаетъ; за прагомъ сихъ вратъ тщеславіе, гордость, самолюбіе, суетность жизни, разсѣяніе, все здѣсь умираетъ предъ очами благочестивыми. Первый представляющійся видъ — храмъ Божій, другой — ничтожные памятники бреннаго человѣчества. Смотри: весь міръ оглашала слава сего героя, и одна сажень земли сокрыла его; тотъ искалъ богатства, почестей; но здѣсь остается доволенъ тремя аршинами земли! Напротивъ того, жившій въ Бога пріобрѣлъ Рай душѣ свой, горя нетерпѣніемъ соединиться съ нимъ на небесахъ! — Тако проходя отъ одного къ другому памятнику, —

сколь тяжело было мнѣ приближиться къ тому, подъ коимъ покоится прахъ друга моего! .... Слезы градомъ покатились изъ глазъ моихъ, и душа моя возносилась къ Превѣчному въ мольбахъ умилительныхъ; я молился объ упокоеніи души ея. Ахъ! есть минуты, такъ говорилъ я рыдающій, -- есть минуты, когда забываемъ мы все мірское, и душа обращается къ Богу! Сколь сладостна таковая минута, изобразить не возможно! Молча преклонилъ я колѣна на могилу друга моего, и цѣловалъ землю: миръ праху твоему, другъ мой! Несчастный!.... рано, слишкомъ рано наступила осень моя, и я сирота во вселенной, среди лучшихъ лѣтъ жизни моей я уже умеръ для всего въ свѣтѣ! — Кто раздѣлитъ со мною несчастіе мое! Кто приметъ участіе въ горести моей! — Своды могилы сокрыли подъ землею все твое благо, всѣ твои радости! — Плачь, плачь, безутѣшный, безотрадный! горестію твоею терзаемый, пре-

сыщайся своими слезами, наполняй воплемъ воздухъ! Сурмакъ вечера и ночь наступающая огласится твоимъ стѣняющимъ воплемъ! Кѣмъ украшалось бытіе твое?— Другомъ твоимъ. Чрезъ кого почиталъ ты себя счастливымъ?— Чрезь друга твоего! Кѣмъ желалъ ты существовать въ мірѣ?— Другомъ твоимъ. Кѣмъ впредь надѣялся быть благополучнымъ?— Другомъ твоимъ. Съ кѣмъ встрѣчалъ ты радости твои, и съ кѣмъ раздѣлялъ горесть твою, кто пекся о здоровьѣ и жизни твоей?— Вездѣ и во всемъ другъ твой безцѣнный, безвозвратный! — Плачь, плачь, несчастный, изнывай въ своихъ страданіяхъ; изтаевай въ безпрерывной скорби. Уже никто не раздѣлитъ съ тобою сего оставшагося тебѣ сокровища, сихъ бѣдствій мучительныхъ, сихъ слезъ неизсякаемыхъ! Я молился о продленіи жизни друга моего; душа моя возносилась къ Богу, слезы лились рѣкою, я упаивалъ ихъ отъ тебя, су-

пруга возлюбленная! Это было за 10 дней до дня рѣшительнаго, ужаснаго! Ночь, которую проводилъ я у ногъ твоихъ, была воздыханіемъ моимъ ко Господу; я мыслилъ такъ:

НОЧЬ.

Воскресенье, 17 Августа 1824 года.
У постели страждущаго друга.

Тебя, Спаситель мой, на помощь призываю,
Въ страданіяхъ моихъ Тебя я умоляю,
Твой духъ вселенную питаетъ и живитъ;
Но ты отъемлешь духъ; все смерти приметъ видъ.
О Боже благости: внемли мое стенанье!
Воззри на слезы Ты, измѣрь мое страданье,
Дай силы новыя недуга жертвѣ сей,
Здоровье обнови, и жизнь отдай мнѣ въ ней!...
Чѣмъ, чѣмъ несчастная мученья заслужила?

Гдѣ заповѣдь Твою святую преступила?
Я виненъ; на меня Ты гнѣвъ свой обрати!
Меня казни, карай; ей жизнь лишь возврати!

Ты сердца моего всѣ знаешь помышленья.
Вся мысль моя: мой Богъ! и Богъ мое спасенье!...

Дерзну ли слабый червь, дерзну ли я роптать? —
Дерзнулъ Твои судьбы священны постигать? —
Ахъ! нѣтъ, единаго Тебя лишь умоляю,
И слабости мои передъ Тобой являю: —
Я немощенъ; скорбей терзаюся въ ночи:
Ты подкрѣпи меня, утѣшь и научи!

По слову твоему весь міръ животворится,
Тобою держится, Тобою все хранится:
Отъ твари смысленной, отъ льва до муравья.
Въ великихъ, въ малыхъ, здѣсь — вездѣ рука Твоя!

Но, ахъ, грѣхи мои стезю мнѣ заграждаютъ,
Тварь бѣдну отъ Творца благаго отдаляютъ!

О праведный Судья! какой я дамъ отвѣтъ;
Нѣтъ оправданія — спасенія мнѣ нѣтъ! —
Но именемъ Твоимъ святымъ я оживляюсь,
И знаменьемъ креста въ спасенье ограждаюсь!
Не по грѣхамъ моимъ несчастнаго суди!
По милости Твоей на помощь мнѣ приди!
На помощь ей приди; реки: возстань! — возстанетъ,
И благо все мое въ сей жизни не увянетъ!
Единой волею Твоею пресвятой
Возставь страдалицу, возставь Ты мой покой!...
Елеемъ радости (*) она да оживится.
И тѣломъ, кровію Твоею освятится! —
Чтобъ шествовать могла сей жизни на пути,
Ты силами ее, здоровьемъ посѣти!
Я вѣрю: въ благости Ты Боже безконечный,
Не отвергаешь слезъ, и внемлешь вопль сердечный!

(*) Больная желала съ большимъ усердіемъ и вѣрою исповѣдаться, пріобщиться и елеемъ освятиться; и все сіе исполнила — Господь ее сподобилъ.

Ты жизнь моей души! — Жива душа да
будетъ,
И милости Твои во вѣки не забудетъ! —
О, Господи! меня въ любви Ты утверди,
Въ спасеніи души и здравьи соблюди. —
Да славится мой Богъ въ сердцахъ Ему
преданныхъ,
Во сонмѣ праведныхъ служить Ему из-
бранныхъ:
Чтобъ самый грѣшникъ злой ту правду
вѣдать могъ:
Сколь благъ, сколь милостивъ — Создатель
мой и Богъ.

Но нѣтъ, я недостоинъ былъ; грѣшникъ въ силахъ ли умолить разгнѣваннаго Владыку? — Громъ Превѣчнаго раздался въ душѣ моей, — судъ изреченъ Всевышнимъ, и я потерялъ нѣжнѣйшаго друга моего! Обозрѣвая предметы плачевныхъ остатковъ, близкихъ намъ къ сердцу нашему, мы орошаемъ подножіе ихъ слезами; трава ими орошенная зазеленѣетъ весною. Теперь ужасное мертвенное молчаніе царст-

вуетъ въ предѣлахъ тлѣнія; ни палящій жаръ лѣта, ни визгъ сильныхъ осеннихъ вѣтровъ, ни жестокіе морозы зимы, ни сугробы снѣговъ, покрывающіе сіи памятники, ни весенніе дожди, ничто не нарушитъ безпробуднаго сна ихъ. Миръ праху твоему! Геній добродѣтели и другъ мой! Приникни изъ дальнихъ странъ, взгляни на сироту оставленнаго тобою, прими участіе въ его горестяхъ; зри слезы мои, зри меня преклоненнаго предъ Престоломъ Превѣчнаго! Смѣшай, естьли можешь, слезы твои съ моими, и вознагради меня — однимъ вздохомъ; я его услышу; мнѣ будетъ легче; я повторю тебѣ, священной обѣтъ мой: *люблю тебя!* и сія дань простаго, но чувствительнаго сердца сокроется съ тобою въ могилѣ, и когда изреченъ будетъ судъ неизбѣжимый, и мнѣ сдѣлать шагъ въ обитель смерти, я сладко, очень сладко усну подлѣ тебя; духъ мой почіетъ въ мирѣ, ибо я наученъ въ

добрѣ и облагодѣтельствованъ тобою; я не страшусь смерти; тщетно смерть лютая, завидуя двумъ сердцамъ, въ единомъ тѣлѣ сущимъ, дышащимъ одною любовью, чистымъ согласіемъ сопряженнымъ, возжаждала себѣ сей одинокой жертвы, разорвала узелъ любви, и разорвала на вѣки. Я соединюся съ тобою скоро опять; я стану жить съ тобою вмѣстѣ!... Такъ, я былъ счастливъ, очень счастливъ! — И счастливѣйшій изъ смертныхъ обреченъ нынѣ быть злополучнѣйшимъ во вселенной!... Боже! да буди воля Твоя. Ты давши мнѣ душу и сердце, располагаешь ими по волѣ своей; Ты же далъ мнѣ и возродилъ чувства пламенной любви моей къ другу моему; я свято сохранялъ и сохраняю обѣтъ клятвы, мною данной. Благодарю Тебя — Господи! что я возмогъ познать цѣну Твоего благодѣянія; я недостойный, 17 лѣтъ наслаждался неизъяснимымъ блаженствомъ съ милымъ

другомъ въ счастливой жизни моей; безмолвствую и покоряюсь святой волѣ Твоей; но вмѣстѣ великое и ничтожное созданіе, каковъ есть человѣкъ, въ силахъ ли удержать онъ первые порывы жестокой горести? Вы, души возвышенныя, сердца чувствительныя, изъ сострадания къ бѣдствію злополучной судьбы его, простите, естьли найдете недостатки въ моихъ чувствахъ; что чувствовала душа, что диктовало сердце, то и написалъ я!...

Плачъ изнуреннаго горестію, въ смиренной хижинѣ его уединенія.

(*Посвящено праху друга моего.*)

Что вижу — нѣтъ ее! а я еще дышу; —
О часъ! ужасный часъ! тебяль я опишу?...
Когда послѣднее внималъ твое дыханье,
Когда пріялъ твое послѣднее лобзанье,
Ты мнѣ сказать *люблю* хотѣла въ страшной мигъ; —
Гласъ замеръ на устахъ хладѣющихъ твоихъ!...

Какъ громомъ я стоялъ внезапно пораженный;
Потомъ опомнившись съ рыданьемъ, сокрушенный;
О Боже! рекъ, на толь мнѣ жить, чтобы страдать? —
Живу, чтобъ медленно въ семъ свѣтѣ изтлѣвать!
Нѣтъ, дважды никогда и жертвъ не закалаютъ.
Я въ ней убитъ, почтожъ насъ съ нею раздѣляютъ?...
Сей гидры не страшусь — что рокомъ злымъ зовутъ:
Она — и я одно: пусть вмѣстѣ погребутъ!...
Къ тебѣ взываю я, страшилище вселенной,
Къ тебѣ взываю, смерть, врагъ жизни разъяренной!...
Мы оба равныхъ лѣтъ, и въ насъ любовь равна,
Почтожъ остался я; она идетъ одна?
Почто не вмѣстѣ ты похитила двѣ жертвы?
И мы бы вѣрными пребыли оба мертвы.

Почто жестоко такъ мнѣ жребій начертать,
Чтобъ медленно страдавъ, страдая умирать? —
Несчастный? — но кого я вопрошать дерзаю?...
Или въ своей душѣ того не постигаю,
Что самый смерти духъ — отъ Бога есть посолъ,
Его велѣніемъ нисходитъ къ намъ на долъ;
Отъ тлѣнья къ животу Онъ души тѣхъ пріемлетъ,
Которыхъ чистые обѣты Вышній внемлетъ! —
Такъ! вѣрно Богъ, самъ Богъ воззвалъ ее къ Себѣ!...
И я ропщу о сей блаженнѣйшей судьбѣ?...
Не Бога ли она и въ мірѣ семъ искала? —
Не имя ли Его всечасно призывала? —
Не Имъ ли здѣсь жила, какъ будто въ небесахъ?
И видѣнъ былъ Господь во всѣхъ ея дѣлахъ?...
Такъ! счастлива она! Почто же я страдаю?...

Нѣтъ! Вышній, на Тебя я въ скорбяхъ уповаю!
Что буду безъ Тебя я сирый и убогъ?...
Ты съ ней соединишь меня, Всесильный Богъ!
Нося смиренья крестъ, лобзаю наказанье!
Къ Тебѣ склоняюся, Творецъ, Твое созданье!...
Я призову Тебя — въ страданіяхъ, бѣдахъ,
И обрѣту покой въ моихъ къ Тебѣ мольбахъ!
Несчастному, Тобой отрада мнѣ явится,
И міръ, грядущій міръ Тобою прояснится!
Легко душа моя могла Тебя понять,
И будетъ отъ Тебя лишь блага ожидать,
Тобою славиться — въ Тебѣ лишь жить желаетъ:
Твоей любовію живый не умираетъ; —
И съ ней соединитъ меня Твоя любовь,
И вмѣстѣ мы Тебя тамъ будемъ славить вновь!...
Единой милости Твоей я умоляю,
Въ сей вѣрѣ утверди несчастнаго, взываю!
Ты давъ мнѣ бытіе — Ты жизнь мою спасалъ,
Семнадцать лѣтъ и миръ и счастье я вкушалъ;

Какъ часъ одинъ сіи семнадцать лѣтъ промчались,
Мгновеньемъ радости они мнѣ показались;
Въ ея душѣ одной блаженство я вкушалъ;
Убитый горестью — днесь сиротою сталъ!
Какъ Геній доброты душа въ ней возвышалась,
И сердцемъ, чувствами, добромъ лишь отличалась;
Въ селеньи праведныхъ рабу Свою причти.
Ты Богъ есн щедротъ, сей милостью почти! —
Борясь съ недугами — въ послѣднемъ издыханьѣ,
Въ Тебя, Спаситель мой, имѣла упованье,
И исповѣдала въ спасеніи Своемъ: —
Ты исповѣждь ее во Царствіи Твоемъ!...
Яви, что Ты мой Богъ; въ Тебя кто уповаетъ, —
Ей вѣрю, Господи — не мертвъ — но оживаетъ!
Я вѣрой упоенъ — мнѣ сердце говоритъ,
Но слабая душа прискорбіемъ болитъ! —
Я чту слезой твой прахъ, и сердцемъ воздыхаю,
Тебѣ всю жизнь мою, супруга, посвящаю.

Твой бѣдной сирота, оставленный вдовецъ,
Я стану лишь взирать на близкій свой конецъ;
Я стану ждать его, какъ Ангела спасенья,
Какъ средство моего съ тобой соединенья!..
Я стану посѣщать могилу здѣсь твою,
Склонюсь предъ нею я, и слезы пролію;
Я жертву принесу, я долгъ свой не забуду,
Молиться о тебѣ предъ Господомъ я буду,
До времени того, какъ сжалясь надо мной
Онъ съединитъ меня, дражайшая, съ тобой!.....

Все кончено! — пространство раздѣляющее сѣ милой моей, сѣ другомѣ моимѣ — ужасно; она вступила во врата вѣчности, и они еще для меня затворены; но память друга моего, ея любовь, моя любовь кѣ ней, суть священны, и память ея пребудетѣ вѣчно со мною! Горестно и убійственно для чувствительнаго сердца видѣть мѣсто ея страданія вѣ болѣзни; оно теперь терзаетѣ душу несчастнаго; всѣ пред-

меты окружающіе меня, напоминаютъ мнѣ злополучнѣйшую судьбу мою; разсудокъ мнѣ повелѣваетъ: удались несчастный, удались, бѣги сихъ мѣстъ, иди блуждать въ страны чуждыя, да не будешь совершенно изтерзанъ предметами раздирающими душу твою; покорись волѣ Превѣчнаго, благоговѣй къ волѣ Трисвятаго, и положись на благость Его. Вспомни, что надѣющійся на Господа, яко гора Сіонская не подвижится во вѣкъ. — Такъ, точно такъ; но я слабѣйшее и ничтожное бреніе во вселенной, могу ли владѣть чувствами души моей? Печаль глубоко врѣзалась въ сердцѣ моемъ. Вы счастливѣйшія изъ смертныхъ, души добрыя, сердца чувствительныя, кои блаженствуете мирнымъ супружествомъ, скажите, возможно ли, чтобы я бывши благополучнѣйшимъ во вселенной и счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, могъ быть равнодушнымъ къ потерѣ друга моего, Генія добродѣтели, къ утратѣ милой супруги, безцѣнной для моего

сердца, семнадцать лѣтъ мнѣ благодѣтельствующей? Протекло два мѣсяца, какъ я оплакиваю тебя, нѣжнаго друга моего; протекутъ годы, минуютъ вѣки, память твоихъ благотвореній перейдетъ въ потомство и будетъ тебя ставить примѣромъ; прекрасная душа твоя искала случая тайно благотворить ближнему; никогда бѣдный втунѣ не выходилъ отъ тебя, и безъ твоего ему пособія; да возвеселится духъ твой обѣщаніемъ Всевышняго, изрекшаго: Иже напоитъ и чашею студены воды во имя Мое, не погубитъ мзды своей! — Миръ праху твоему, и благословеніе Божіе да опочіетъ на немъ! — здѣсь у безцѣннаго для меня памятника твоего, преклоняю тебѣ колѣна мои, въ пламенныхъ чувствахъ любви и дружбы, благодарю тебя за любовь твою, за попеченіе твое о сиротѣ твоемъ! Часто, очень часто буду приходить сюда, чтобы оросить слезами траву, растущую надъ тобою, и что-

бы почтить безцѣнный и милый прахъ твой, моими рыданіями. Ахъ, Лиза! благотворительный Геній! прими слабѣйшую дань признательности къ тебѣ простаго, но чувствительнаго сердца! Я буду молиться за тебя, и моя слеза, мое воздыханіе, моя молитва, понесутся къ Обладателю живота и смерти; а ты помолись о другѣ твоемъ, о скоромъ нашемъ соединеніи. Такъ, другъ мой! тамъ, гдѣ предѣлъ вѣкамъ міра сего, предстанетъ и другъ твой; онъ достоинъ будетъ тебя, ибо память твоя живетъ со мною; ежедневно стану я бесѣдовать съ твоимъ духомъ; духъ мой будетъ искать тебя и за предѣлами гроба. Нѣтъ, никакіе затворы, никакія вереи не остановятъ вздоховъ моихъ; сквозь самый сводъ могилы твоей донесутся они къ тебѣ!.... Такъ! я чувствую, такъ мыслю; пусть сіе воспоминаніе останется сладостнѣйшимъ мечтаніемъ сердца моего, пищей души моей и слабою данью при-

знательности и благодарности къ другу нѣжному, къ супругѣ милой, къ благодѣтельнѣйшей изъ смертныхъ! — Когда же придетъ весна, когда лучи солнца отогрѣютъ землю, когда природа украситъ могилу твою цвѣтами, когда гимны пернатыхъ воспоютъ хвалу Создавшему насъ; я буду тогда привѣтствовать тебя у могилы твоей и слеза моя канетъ на дернъ ее покрывающій; въ томномъ уединеніи я буду подлѣ тебя размышлять о содѣланномъ тобою добрѣ въ теченіи твоей жизни, и утѣшаться тѣмъ, что благословеніе Божіе осѣнитъ свыше память твою! Покойся милый, безцѣнный другъ мой, да узришь ты благая праведнымъ опредѣленныя, да возвеселится духъ твой упоенный вѣрою во Всесоздавшаго! Миръ праху твоему до радостнаго утра! Покойся Ангелъ добродѣтели! Ни воздыханіе, ни печаль, да не потревожатъ тебя, да будетъ все тихо и спокойно! — Около тебя

отецъ и мать мои; подлѣ тебя сестра и братъ мой; и ты мнѣ оставила мѣсто подлѣ себя! Миръ праху твоему, добродѣтельный, нѣжный, милой другъ мой, тебѣ поклоняется тотъ, кто болѣе всѣхъ въ мірѣ любилъ тебя.— Вотъ послѣднее признаніе, послѣдняя жертва несчастнаго твоего друга, осиротѣвшаго, несчастливца, сраженнаго горестію вдовца твоего Констанса; ты симъ именемъ звала меня; могу ли и симъ не почтить память твою! Миръ и благословеніе Божіе праху твоему!

Константинъ Терскій.

Въ началѣ сего приложенъ рисунокъ Литографическій съ памятника, на коемъ между прочимъ на 4хъ сторонахъ, высѣчена слѣдующая надпись золотыми буквами:

I. СТОРОНА.

Здѣсь покоится тѣло
Елисаветы Федоровны
Терской,
урожденной Венгерской.

II. СТОРОНА.

Любезной и милой супругѣ,
отъ убитаго горестью мужа ея,
1824 года Сентября 5 дня.

III. СТОРОНА.

Здѣсь Геній доброты любезной почиваетъ. —
Рыдающій супругъ къ ней память сохраняетъ.
Онъ былъ лишь счастливъ ей, и ею лишь дышалъ.
Въ ней все онъ потерялъ и сиротою сталъ.
Безтрепетно онъ ждетъ, когда временъ сѣкира,
Предѣлъ его рѣшивъ, похититъ сего міра,
Чтобъ съ ней соединясь одной отрадой льстится;

А здѣсь рыдать по ней: мой краткій вѣкъ
крушится.
Создатель и мой Богъ! въ тебя я уповаю;
Бывъ бреніе твое, тебя просить дерзаю:
Кто вѣру сохранивъ, любовь до издыханья,
Къ тебѣ — отъ сердца чиста, принесши
покаянье,
Въ селеніи праведныхъ, рабу Свою причти.
Ты Богъ еси щедротъ, сей милостью почти,
Чтобы язычникъ, невѣрный вѣдать могъ:
Сколь благъ, сколь милостивъ Создатель
мой и Богъ!

IV. СТОРОНА.

Помяни мя, Господи! егда пріидеши во
царствіи Твоемъ.

Поставилъ памятникъ и на ономъ слова
написалъ

Константинъ Терскій.

LIBRARY OF CONGRESS
00023263221